
Reven Black
Тени академии
18+

Reven Black

Тени академии

«Автор»
2026

Black R.

Тени академии / R. Black — «Автор», 2026

Эйра Вейл — стипендиатка в закрытой академии «Ноктюрн», где аристократы учатся некромантии и проклятиям. Она «якорь» — редкий дар удерживать чужую тёмную магию от разрушения. Когда принц Каэль Вейн, наследник проклятого рода, теряет контроль на занятии, Эйра инстинктивно касается его и связывает их души. Теперь она чувствует его боль и безумие, а он — её страх. Связь нельзя разорвать, и академия объявляет их «партнёрами» до конца семестра. Но чем сильнее связь, тем опаснее становиться близость — и тем сложнее не потерять себя.

© Black R., 2026
© Автор, 2026

Содержание

АКТ I. «ЯКОРЬ» 5
Глава 1. «Тени Академии» 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Reven Black
Тени академии

АКТ I. «ЯКОРЬ»

Глава 1. «Тени Академии»

Я всегда знала, что ад пахнет не серой, а мокрым камнем и воском.

Академия «Ноктюрн» встречает меня именно так: холодным дыханием подземелья, тяжелым запахом оплавленных свечей и чем-то еще — сладковатым, будто цветы на могиле. Я стою в главном холле, сжимая ручку потертого саквояжа. Взгляды студентов скользят по мне, как пальцы по грязной ткани.

— Стипендиатка, — произносит кто-то за спиной, растягивая слово. Оно оставляет во рту привкус плесени.

Я не оборачиваюсь. Привыкла. В приюте, где я выросла, тоже шептались за спиной — правда, там хотя бы не притворялись, что улыбаются. Здесь улыбаются. Все. Даже портреты бывших ректоров, развешанные по стенам, следят за мной маслянистыми глазами, и уголки их губ приподняты в вежливом оскале. Я прохожу мимо, стараясь не смотреть на рамы. Одна из них — с трещиной по стеклу — провожает меня поворотом зрачков. Я ускоряю шаг.

Меня зовут Эйра Вейл. Мне девятнадцать. И я здесь потому, что моя сестра умирает.

Точнее — потому что я заключила сделку с людьми, которые умеют торговаться со смертью. Они сказали: «Твой дар уникален. Ты — якорь. Учись, и мы поможем твоей сестре». Я не спросила, что они возьмут взамен. У меня не было выбора. У Миры осталось полгода, если не меньше, и каждая неделя в этом месте — еще один шанс для нее.

Но сейчас, стоя в очереди на регистрацию, я чувствую, как моя уверенность тает. Аристократы вокруг одеты в черный шелк и бархат, их руки унизаны перстнями с гербами, а на шеях — цепочки с печатями родов. Я — в своем единственном платье из плотной шерсти, с заплаткой на локте, которую старательно зашивала ночью. Мои волосы — темные, прямые, неухоженные — собраны в узел, но все равно выбиваются прядями. Я выгляжу вороной среди павлинов. И павлины это знают.

— Вейл? — произносит регистратор, тощий мужчина с кожей, натянутой на череп, как пергамент. — Стипендия «Особый дар». Кровь?

— Что? — не понимаю я.

— Кровь. Твоя родословная. Кто твои родители?

Я молчу. В приюте мне говорили, что я подкидыш. Ни имени, ни рода. Только шрам на левом запястье — тонкая линия, будто кто-то пытался перерезать мне вену, но передумал.

— Не знаю, — говорю я ровно.

Он поднимает бровь, но ничего не записывает. Просто ставит печать на моей карточке — черную, с силуэтом ворона — и машет рукой:

— Факультет Некромантии. Первое занятие через час. Не опаздывай. Лорд-ректор не любит ждать.

Я забираю карточку. Под пальцами бумага кажется теплой, будто ее только что вынули из печи. Я иду по коридору, и мои шаги гулко отдаются в тишине. Каменные стены увиты темным плющом, который шевелится, когда я прохожу мимо, — не от ветра, а сам по себе. Свечи в черных канделябрах горят синим пламенем, и от этого света лица статуй кажутся живыми.

Аудитория некромантии — в подвале. Я спускаюсь по винтовой лестнице, вдыхая запах сырости и чего-то еще — металлического, как кровь на языке. Дверь приоткрыта, и я слышу голос:

—...магия — это не сила. Это сделка. Вы даете, вы берете. И если вы недостаточно сильны, чтобы заплатить, — платит кто-то другой.

Я вхожу. Аудитория — амфитеатром, с каменными скамьями, уходящими вниз, к круглой площадке в центре. На площадке — пентаграмма, вырезанная в полу, и в ее центре стоит человек в черной мантии. Профессор Морвейн — я знаю его по описанию: худой, с длинными седыми волосами, заплетенными в косу, и глазами цвета болотной воды. Он смотрит на меня, и я чувствую, как что-то холодное скользит по моей коже, будто меня ощупывают изнутри.

— А, стипендиатка, — говорит он. — Садись. Мы как раз начинаем.

Я нахожу свободное место на верхней скамье, подальше от всех. Рядом со мной — девушка с идеальной осанкой и волосами цвета лунного света. Она не смотрит на меня. Никто не смотрит. Это хорошо. Я привыкла быть невидимой.

Профессор Морвейн продолжает:

— Сегодня мы поговорим о контроле. Некромантия — это не просто поднятие мёртвых. Это умение удержать тьму в узде. Тот, кто не может контролировать свою магию, — не некромант. Это ходячая бомба. И сегодня один из вас покажет нам, что бывает, когда контроль потерян.

Он делает паузу. Тишина становится густой, как сироп.

— Принц Каэль. Прошу.

Я слышу, как воздух в аудитории меняется. Студенты выпрямляются, кто-то шепчет, кто-то отводит взгляд. Я поворачиваю голову и вижу, как с нижней скамьи поднимается фигура.

Он высокий — выше всех в этой комнате. Тёмные волосы, небрежно зачёсанные назад, открывают бледное лицо с острыми скулами и глазами цвета оникса. На нём чёрная рубашка с высоким воротом, без гербов, без украшений — только перстень с печатью на левой руке. Когда он идёт к пентаграмме, я замечаю, как от его пальцев срываются тонкие струйки тьмы — чёрные, как чернила, они стекают вниз и впитываются в пол.

Он не смотрит на профессора. Не смотрит на студентов. Он смотрит прямо перед собой, и в его глазах — пустота. Не надменность, не скука. Просто пустота, как в колодце, куда бросили камень и не услышали всплеска.

— Как вы знаете, — говорит Морвейн, — принц Каэль — обладатель древней крови, которая даёт ему огромную силу. Но эта сила имеет цену. Тьма внутри него голодна. И сегодня мы увидим, насколько он может её сдержать.

Каэль останавливается в центре пентаграммы. Он поднимает руку, и пол под ним начинает дрожать. Я чувствую это даже на своей скамье: вибрация отдаётся в костях. Студенты замирают.

— Вызов, — произносит Каэль, и его голос — низкий, ровный, без эмоций. — Я покажу контроль.

Он щёлкает пальцами. И тьма взрывается.

Я не успеваю моргнуть, как аудитория погружается в чёрный туман. Он выползает из пентаграммы, как живой, — густой, маслянистый, он цепляется за стены, за скамьи, за лица студентов. Кто-то вскрикивает. Кто-то смеётся — нервно, истерично. Я вижу, как из тумана поднимаются фигуры: скелеты, полупрозрачные, с пустыми глазницами, они тянутся к нам, но не нападают. Пока.

— Достаточно, — говорит Морвейн, но в его голосе нет тревоги. Скорее любопытство.

Каэль не слушает. Его глаза закрыты, губы шевелятся, и я вижу, как по его щеке стекает капля пота. Тьма становится плотнее. Один из скелетов поворачивает голову в мою сторону, и я чувствую, как холодное дыхание касается моего лица. Пахнет землёй и гнилью.

— Принц, — повторяет Морвейн, уже резче. — Довольно.

И тогда Каэль открывает глаза. И я вижу, что в них нет ничего человеческого. Только тьма, бесконечная, голодная, и она смотрит на меня.

Я не знаю, почему я встаю. Не знаю, почему мои ноги сами несут меня вниз по ступеням, к пентаграмме. Это не храбрость. Это что-то другое — инстинкт, глубокий, как память тела. Я чувствую, как тьма тянется ко мне, обволакивает, но не душит. Она... пробует меня на вкус.

— Стой, дура! — кричит кто-то, но я уже внутри круга.

Каэль не двигается. Его руки дрожат, пальцы скрючены, и я вижу, как чёрные вены вздуваются на его шее, поднимаются к лицу. Тьма выходит из-под контроля. Она пожирает его.

И я делаю то, что делала всю жизнь, когда Мира задыхалась во сне: касаюсь его.

Мои пальцы ложатся на его запястье — туда, где бьётся пульс. Кожа у него ледяная. И в ту же секунду что-то происходит.

Мир вспыхивает белым.

Я чувствую боль. Не свою — его. Она острая, как нож под рёбрами, и глубокая, как колодец. Я чувствую страх — не свой, а его, — липкий, детский, тот самый, который он прячет за холодом. Я чувствую тьму — она не враждебна, она просто голодна. Она хочет есть, и он не может её остановить.

А потом я чувствую его. Не принца, не некроманта. Мальчика, который стоит в темноте и сжимает кулаки, чтобы не закричать.

Я просто держу его за запястье и думаю: «Тише. Я с тобой. Тише».

Тьма отступает. Медленно, неохотно, как зверь, которого оттащили от добычи. Скелеты рассыпаются в прах. Чёрный туман втягивается обратно в пентаграмму, и в аудитории снова становится светло — если можно назвать светом это синее мерцание.

Каэль открывает глаза. В них — растерянность. Он смотрит на мою руку на своём запястье, потом на моё лицо. И его взгляд меняется. Растерянность сменяется яростью.

— Какого дьявола ты делаешь? — шипит он, выдёргивая руку. — Ты кто такая?

Я отступаю на шаг. Мои пальцы горят, будто я держала раскалённое железо. В груди — странное эхо, будто кто-то стучит изнутри.

— Я... — начинаю я, но голос срывается.

— Она — твой якорь, — раздаётся спокойный голос.

Мы оба оборачиваемся. В дверях стоит лорд-ректор — высокий старик с лицом, похожим на высохшую кожуру, и глазами, которые видят слишком много. Он входит в аудиторию, и студенты встают. Даже Каэль выпрямляется, хотя его челюсти сжаты так, что желваки играют.

— Якорь? — переспрашивает Каэль. — Что за чушь?

— Не чушь, — говорит ректор. — Эта девушка — редкий дар. Её душа способна удерживать тёмную магию. Она только что это доказала.

Он подходит ближе, и я чувствую, как от него пахнет пылью и старой бумагой. Его взгляд скользит по мне, как скальпель.

— Связь, которую вы только что создали, — продолжает он, — не случайна. Она... спонтанна, но крепка. Души связаны. И разорвать её нельзя.

— Что? — вырывается у меня. — Я ничего не создавала! Я просто...

— Ты коснулась его, — перебивает ректор. — В момент потери контроля. Ты приняла его тьму и удержала. Это ритуал, дитя. Древний, как сама академия. Ты не знала?

Я качаю головой. В горле пересохло.

Каэль смотрит на меня так, будто я только что вонзила ему нож в спину.

— Я не просил, — говорит он тихо, но в этой тишине его голос звучит как приговор. — Мне не нужен якорь. Особенно такой.

«Такой» — это значит «стипендиатка». «Такая» — это значит «грязная». Я чувствую, как краска стыда заливает щёки, но вместе с ней поднимается злость.

— Я тоже не просила, — отвечаю я, и мой голос дрожит, но не от страха. — Меня никто не спрашивал.

— Довольно, — обрывает ректор. — Связь уже есть. И пока она есть, вы будете работать вместе. До конца семестра. Это не обсуждается.

Каэль делает шаг ко мне. Я стою на месте, хотя каждая клетка кричит: «Беги». Он наклоняется, и я чувствую его дыхание на своей щеке — холодное, с запахом полыни.

— Ты понятия не имеешь, во что вляпалась, — говорит он одними губами. — Я не потерплю рядом с собой шпиона. Или спасателя. Особенно такого.

— Я не спасатель, — отвечаю я так же тихо. — Я просто хочу выжить.

— Выживешь, — усмехается он. — Если будешь делать, что я скажу.

Он отстраняется, и в его глазах — что-то странное. Не только ненависть. Что-то ещё, что-то тёмное и голодное, но не направленное на меня. Будто он уже прикидывает, как меня использовать.

Ректор хлопает в ладоши:

— Занятие окончено. Все свободны. А вы двое, — он указывает на нас, — останьтесь. Нужно обсудить... детали.

Студенты поднимаются, и я слышу шёпот: «Якорь...», «Принц...», «Она что, сумасшедшая?». Я стою в центре пентаграммы, рядом с человеком, который только что хотел меня убить, и чувствую, как между нами натягивается невидимая нить. Она горячая, как проволока. И она не исчезает.

Каэль смотрит на меня сверху вниз, и его губы кривятся в усмешке.

— Что ж, партнёр, — говорит он. — Добро пожаловать в мой кошмар.

Я сглатываю. И думаю о Мире. О том, что я не могу позволить себе бояться. И о том, что где-то в глубине его глаз, под слоем льда и ярости, я вижу что-то, что заставляет меня чувствовать себя не спасателем, а... добычей.

Ректор что-то говорит о расписании и ритуалах, но я его почти не слышу. Я смотрю на Каэля, а он смотрит на меня. И в тишине, между нами, я слышу звук, которого не должно быть: стук двух сердец. Его и моего. В унисон.

Это не романтика. Это приговор.

И я понимаю: чтобы выжить, мне придётся узнать этого монстра изнутри. Ближе, чем хотелось бы. Ближе, чем безопасно.

— До завтра, — бросает Каэль и уходит, не оборачиваясь.

Я остаюсь стоять в пустой аудитории, чувствуя, как связь пульсирует где-то под кожей. И думаю: что же я наделала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.